

И. Бодуэнъ-де-Куртенэ.

ДВА ВОПРОСА

ИЗЪ УЧЕНІЯ

О „СМЯГЧЕНІИ“ или ПАЛАТАЛИЗАЦІИ ВЪ СЛОВЯНСКИХЪ ЯЗЫКАХЪ.

(Оттискъ изъ «Ученыхъ Записокъ Имп. Юрьевского Университета»
1893 г., № 2.)

J. Baudouin de Courtenay.

Zwei Fragen

aus der Lehre

über die Palatalisation in den slavischen Sprachen.

[Sonderabdruck aus «Acta et commentationes Imp. Universitatis
Juriensis (olim Dorpatensis)»].

Юрьевъ (Dorpat).

Druck von C. Mattiesen.

1893.

к.с.

933.

2. H-1000
Herrn Dr. W. Scherer
zur freundlichen Erinnerung
Sandouin de Cousterau

ДВА ВОПРОСА

ИЗЪ УЧЕНІЯ

О „СМЯГЧЕНІИ“ ИЛИ ПАЛАТАЛИЗАЦІИ
ВЪ СЛОВЯНСКИХЪ ЯЗЫКАХЪ.

Zwei Fragen

aus der Lehre

über die Palatalisation in den slavischen Sprachen.

Inv. № 932

LIBRARY OF THE
TARTU ÜLIKOOLI
RAAMATUKOOL

ТВА БОЛГОА

1871. 7. 15

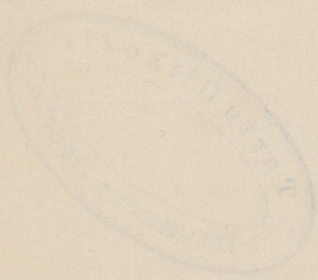
КАРТИНКИ И ТАТАРСКИ

ВЪЗРАЖЕНИЯ И ЗАМЕЧАНИЯ

Зwei Fragen

aus der Zeit

in der Prolifikation in den slawischen Sprachen

TARTU ÜLIKOOLI
RAAMATUKOGU

1
324 44080

Подъ „мягкостью“ или палатальностью звука понимаемъ акустическое впечатлѣніе, получаемое отъ фонетической утилизаціи узкаго пространства, образуемаго вслѣдствіе приближенія средней части языка къ твердому небу. Въ противоположность этому, „твердость“ или непалатальность звуковъ зависитъ отъ удаленія средней части языка отъ твердаго неба. Оба эти понятія — палатальность и непалатальность — понятія описательныя, понятія статическія.

Понятіями же динамическими или же историческими, т. е. понятіями, касающимися фонетическихъ измѣненій, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, т. е. измѣненій, съ одной стороны, въ видѣ преходящихъ субституцій (подстановокъ), съ другой же стороны, въ видѣ историческихъ послѣдовательностей, такими понятіями динамическими или же историческими будутъ: 1) „смягченіе“ или палатализация, 2) „отвердѣніе“ или диспалатализация. При палатализаціи данному звуку присваивается артикуляція, состоящая въ приближеніи средней части языка къ небу; диспалатализация же состоитъ, какъ разъ на оборотъ, въ устраненіи изъ состава звука свойственной ему раньше палатальной артикуляціи.

Въ настоящихъ отрывкахъ я рѣшилъ сообщить въ печати свои соображенія, вызванныя обращенными ко мнѣ письмами Г. И. Паульсона и Ө. П. Кешена.

I.

Знаменитый педагогъ, Г. И. Паульсонъ, работающій весьма успѣшно тоже на почвѣ фонетики русскаго языка, обратился ко мнѣ съ письмомъ изъ Петербурга отъ 28 декабря 1889 г., прося разъясненій по одному изъ вопросовъ малорусской фонетики. Вотъ его подлинныя слова :

„Не можете ли вы указать мнѣ какую нибудь, хоть самую поверхностную фонетику малорусскаго языка? Я пытался было составить себѣ нѣкоторое представленіе о малорусскомъ произношеніи, собравъ примѣры словъ изъ сочиненія Миклошича: „Сравнит. морфологія слав. языковъ“, перевед. подъ ред. Р. Брандта (вып. III. яз. малор. и русскій). Но уже на 2-ой страницѣ наткнулся на такой куріозъ :

„ніс = носъ ; н'іс = нѣсь.

„Твердое *н* передъ *і* для меня совершенно непонятно, если не предположить, что *і* тутъ приближается къ *ы*. Между тѣмъ буква *ы* въ начертаніяхъ малорусскихъ словъ у Брандта нигдѣ не встрѣчается, изъ чего слѣдуетъ заключить, что звука *ы*, или близкаго къ нему, въ малорусск. языкѣ вовсе нѣтъ. Съ другой же стороны, въ „Словарѣ малорусскаго нарѣчія“ Аванасьева - Чужбинскаго, помѣщенномъ въ Извѣстіяхъ Академіи наукъ (1856 г.), буква *ы* встрѣчается сплошь и рядомъ. Я бы былъ доволенъ, еслибъ могъ получить хоть такой общій обзоръ звуковъ малорусск. нарѣчія, какой данъ Вами во 2-ой главѣ брошюры „Нѣкоторые отдѣлы сравнит. грамматики“ для польскаго.“

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ мною сказано было, между прочимъ, приблизительно слѣдующее :

Дерптъ, 1/13 января 1890 г.

1. Встрѣчаемое у Брандта „ніс = носъ ; н'іс = нѣсь“ для меня совершенная новость. Мнѣ всегда казалось, — и я такъ и слышалъ отъ природныхъ малороссовъ, — что оба

эти слова въ тѣхъ изъ малорусскихъ говоровъ, которые дошли до крайняго предѣла развитія въ этомъ направленіи, т. е. до крайняго сѣуженія удлинненныхъ раньше гласныхъ \bar{o} и \bar{e} , звучатъ вполнѣ одинаково, т. е. н'іс (n'is). Не имѣемъ однакожъ права подозрѣвать точность сообщенія Брандта, жившаго въ области малорусской территоріи и имѣвшаго случай говорить съ малороссами самыхъ разнообразныхъ діалектическихъ оттѣнковъ. Впрочемъ возможно, что графическое различіе Брандтомъ н'іс и н'іс не имѣетъ вовсе фонетическаго значенія, а только указываетъ на различіе историческаго происхожденія этихъ словъ и входящаго въ ихъ составъ звука i .

2. Я никакъ не могу согласиться съ тѣмъ, что „твердый“, непалатальный согласный (консонантъ) возможенъ только въ сочетаніи съ $ы$. Лучшимъ доказательствомъ противнаго служатъ всѣ языки романскіе и германскіе, въ которыхъ i соединяется съ предшествующими „твердыми“ согласными. Да и въ языковой области словянской одна только великорусская ея часть обладаетъ особымъ, вполнѣ отличнымъ гласнымъ $ы$, хотя даже и здѣсь различіе $и$ (i) отъ $ы$ есть въ настоящее время явленіе несамостоятельное, явленіе вторичное, т. е., съ точки зрѣнія палатальности, вполнѣ зависящее отъ качества предшествующаго согласнаго. Въ $\bar{бы}$ имѣется теперь $ы$, потому что \bar{b} есть самостоятельно, первично „твердый“ согласный; въ $\bar{би}$ имѣется $и$, потому что „мягкость“ предшествующаго согласнаго \bar{b}' (\bar{b}' , \bar{b}') — составляетъ его индивидуальное, независимое свойство, обуславливающее тоже палатальность слѣдующаго за нимъ гласнаго. Другое дѣло, откуда взялись исторически подобныя сочетанія.

Что же касается всѣхъ остальныхъ частей словянской языковой территоріи, то нигдѣ не встрѣтимъ того $ы$, которое такъ характерично для великорусскаго произношенія. (Болгарское $\bar{я}$, т. е. собственно узкое a , какъ y есть узкое o , а i — узкое e , принадлежитъ къ гласнымъ совсѣмъ другого порядка.) Въ польскомъ различаются, правда, by , ny , sy , ty отъ bi , ni , si , li , но главное и,

можно сказать, единственное различіе этихъ слоговъ сводится къ различію согласныхъ; знаки (буквы) же гласныхъ въ сложившемся исторически польскомъ правописаніи исполняютъ вмѣстѣ съ тѣмъ роль показателей „мягкости“ или „твердости“ согласныхъ: *y* означаетъ *i* и твердость согласнаго, *i* тоже *i* и мягкость согласнаго. Нельзя отрицать, что во многихъ польскихъ говорахъ и вообще въ произношеніи многихъ поляковъ *i* слоговъ *by*, *py*, *sy*, *ty* произносятся нѣсколько болѣе назадъ, нежели *i* слоговъ *bi*, *pi*, *si*, *li* Но, съ другой стороны, мнѣ извѣстны польскіе говоры и отдѣльные индивидуумы, произносящіе и въ томъ и другомъ случаѣ совершенно одинаковое *i*, безъ малѣйшей разницы относительно мѣста сближенія языка и неба. Они произносятъ *sin* (съ твердымъ *s*), *riba* (съ твердымъ *r*), *ti* (съ твердымъ *t*), *fiſi* (съ твердыми *f* и *s*) . . . съ совершенно такимъ же *i*, какъ въ словахъ *ſito* (здѣсь *s'* отличается отъ *s* не одною только палатальностью), *ci*, *lina*

То же самое извѣстно намъ изъ чешской языковой области, равно какъ и изъ языковыхъ областей сербо-хорватской и словинской. Вездѣ здѣсь одно и то же *i* можетъ сочетаться какъ съ „мягкими“, такъ и съ „твердыми“ предшествующими согласными. Наконецъ, то же самое имѣетъ мѣсто и въ малорусской области. Впрочемъ, въ каждой изъ этихъ областей эта особенность проявляется въ своеобразномъ видѣ.

3. Малорусская діалектическая область принадлежитъ въ извѣстномъ смыслѣ къ южной полосѣ славянскаго языкового міра, т. е. къ той полосѣ, въ которой произошло полнѣйшее смѣшеніе прежнихъ *ы* и *и* (*i*). Сюда, кромѣ малорусской, относятся области: болгарская, сербо-хорватская, крайно-словинская и резьянская; — однимъ словомъ, всѣ т. н. южные славяне и малороссы составляютъ въ этомъ отношеніи одну группу, въ противоположность группѣ сѣверной, великорусско-польско-лужицкой, гдѣ сохранилось различіе *ы* и *и* (*i*), если не въ самомъ гласномъ, то по край-

ней мѣрѣ въ различіи „твердости“ и „мягкости“ предшествующаго согласнаго. Чешско - словацкая группа стоитъ по серединѣ: въ ней отчасти произошло смѣшеніе ($sy = si \dots$), отчасти же сохранилось древнее различіе ($dy, ty \dots$ рядомъ съ $d'i, t'i \dots$).

И такъ, малорусскія сочетанія *би, ти, си, ли* (съ твердымъ *л*, но съ гласнымъ *и*), *ри* . . . произошли:

- 1) изъ *bi* (би), *ti* (ти), *si* (си), *li* (ли), *ri* (ри);
- 2) изъ *by* (бы), *ty* (ты), *sy* (сы), *ly* (лы), *ry* (ры) . . .

Въ малорусскихъ словахъ *лисиця, робити, ходити, дитина, милій,*, *лисій, билина, мило, димъ . . .* слоги *ли, си, би, ти, ди, ми* . . . произносятся, со стороны палатальности, совершенно одинаково, т. е. съ твердымъ согласнымъ и съ палатальнымъ гласнымъ *и* (*и*).

Конечно, акустическое впечатлѣніе, получаемое отъ малорусскаго произнесенія *ли*, и во время неслогообразующей фонемы, т. е. во время произношенія согласнаго *л*, нѣсколько иное, нежели напр. впечатлѣніе великорусскаго *лы*, или даже польскаго *ły*. Тѣмъ болѣе это замѣтно во время произношенія слогообразующей фонемы *и*. Во первыхъ, само малорусское *и* (*и*) въ выше названныхъ словахъ (*лисиця, робити, милій . . .*) отличается приближеніемъ средней части языка къ твердому небу болѣе позади, нежели это имѣетъ мѣсто при произношеніи великорусскаго *и* (*лисица, милый . . .*), польскаго *i* (*lisica, miły . . .*) или даже малорусскаго *i* (*лід, сїмь, кїнь . . .*); во вторыхъ же, въ малорусскомъ какъ бы чувствуется отсутствіе взаимной ассимиляціонной связи между согласнымъ и гласнымъ членомъ слога. Это и есть проявленіе *одночленности палатальности*, къ которой теперь перехожу.

4. Со стороны палатальности можемъ различать:
а) языки съ „двухчленною палатальностью“, т. е. съ палатальностью, распространяющейся равномерно какъ на слогообразующія, такъ и на неслогообразующія мѣста слоговъ, т. е. какъ на гласные, такъ и на согласные, значить,

языки, отличающіеся въ этомъ отношеніи строгою ассимиляціонною связью гласныхъ и согласныхъ; *b*) языки съ „одночленною палатальностью“, т. е. языки, въ которыхъ палатальное произношеніе свойственно только или согласнымъ, или же гласнымъ, и не можетъ распространяться на обѣ эти части слога; *c*) языки, безразличные въ этомъ отношеніи.

Типичнымъ представителемъ разряда *a*) является языкъ болгарскій, въ которомъ возможны только сочетанія $K_i I_i$ ($K_i i$, $K_i e$), и никакъ невозможны $K_o I_i$ *). По этому все болгарскіе слоги, соответствующіе русскимъ $K I_i$ ($K i$, $K e$) или $K y$ [ти, те (тѣ) . . . , ты . . .], произносятся тамъ всегда непременно съ палатальнымъ согласнымъ. Въ сочетаніи же со слѣдующимъ палатальнымъ гласнымъ непалатальный согласный здѣсь невозможенъ. — Затѣмъ, сюда относится большинство литовскихъ говоровъ, въ которыхъ возможны, съ одной стороны, только $l_i e$, $r_i e$, $b_i e$, $l_i i$, $r_i i$, $b_i i$, но никакъ не $l_o e$, $r_o e$, $b_o e$, $l_o i$, $r_o i$, $b_o i$, съ другой же стороны, только $-l_o$ (*guł, veł*), $-r_o$ (*tur*), но никакъ не $-l_i$, $-r_i$ Къ тому же разряду относится своею существенною стороною и великорусская языковая область во всѣхъ своихъ разновидностяхъ, хотя ее, до извѣстной степени, слѣдуетъ причислить тоже къ разряду *c*); какъ и вообще рѣдко можно встрѣтить послѣдовательное проведеніе того или другого принципа, а за то гораздо чаще смѣсь двухъ принциповъ, или же смѣсь извѣстнаго принципа съ безпринципностью, — иначе, т. наз. „переходное“ состояніе.

Типичнымъ представителемъ разряда *b*) является меньшинство литовскихъ говоровъ, въ которыхъ палатальность гласнаго исключаетъ возможность палатальности согласнаго, палатальность же согласнаго возможна здѣсь или при непала-

*) При этомъ обозначаютъ: *K* согласную, консонантную часть слова, *I* — часть слова гласную, сонантную, *i* — палатальность, *o* — непалатальность.

тальности гласнаго, или же при полномъ отсутствіи гласнаго. Такъ напр. въ этихъ говорахъ имѣемъ только *guŕěti* (лежать), *saufě* (солнце), *turěti* (имѣть), *ŕénkas* (полякъ), *děti* (класть) . . . , съ другой же стороны *l'udnas* (*liudnas*) (грустный), *bro'lo* (брата), *gul'ù* (лежу), *tu'ù* (имѣю), *vel'* (еще), *gul'* (лежитъ), *tu' (имѣеть)* Въ общемъ сюда относится и діалектическая область малорусская, въ которой нахожденіе въ слогѣ гласнаго *e* или же *u* (*i*), соответствующаго общеславянскимъ *u* (*i*) и *ы*, исключаетъ возможность палатальности согласнаго, между тѣмъ какъ палатальность согласнаго вполне возможна при непалатальности или же при полномъ отсутствіи слѣдующаго гласнаго, т. е. въ концѣ слога. Отсюда въ малорусскомъ поле (*poŕe*), полей (*poŕej*), полемъ (*poŕem*) . . . , конемъ (*konem*) . . . , солити (*sofiti*), соли (*sofi*) . . . ; но поля (*po'la*), полямъ (*po'am*), полѣмъ (*po'om*) , коня (*ko'na*), конѣмъ (*ko'om*) . . . , кинь (*k'in'*), сіль (*s'il'*) . . .

5. Въ одномъ только пунктѣ малорусская языковая область представляетъ отступленіе отъ только что изложеннаго „фонетическаго закона одночленной палатальности“, а именно въ сочетаніяхъ согласныхъ съ вторичнымъ *i*, т. е. съ *i*, развившимся исторически черезъ сѣуженіе изъ прежнихъ гласныхъ долгихъ, т. е. или изъ общеславянскаго долгаго *e* (*ъ*), или же изъ вторично удлинненныхъ *e* и *o* *).

*) Подобное вторичное удлинненіе произошло когда-то во всѣхъ словянскихъ языковыхъ областяхъ, но въ областяхъ великорусской и болгарской не осталось отъ нея никакого яснаго слѣда, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ отношеній ударяемости словъ (*вода* | *вѣдка*, *нога* | *ножка* . . .); за то въ сербо-хорватской области это вторичное удлинненіе до сихъ поръ на лицо; въ области крайно-словинской, резьянской, словацкой и чешской различіе краткихъ и вторично-удлинненныхъ гласныхъ (сонантовъ) комбинируется съ различіемъ самихъ растворовъ рта во время произношенія историческихъ замѣнителей той и другой категоріи сонантовъ, хотя впрочемъ въ каждой изъ этихъ областей совершенно своеобразно; наконецъ, въ областяхъ лужицкихъ, въ области польской и кашубской различіе именно самихъ растворовъ рта осталось единственнымъ историческимъ замѣнителемъ прежняго различія краткости и вторичной долготы сонантовъ.

Поэтому то великорусскимъ дѣдъ, мѣдъ, бѣгъ, вѣсть, лѣто, лѣсъ, грѣхъ, рѣка , несъ, медъ, ледъ, семь, межъ, пчелка , соль, конь, богъ, спасибо, носъ, рокъ, рогъ, ровъ, ровно, розно, овца, боль, бокъ соотвѣтствуютъ въ малорусскихъ говорахъ, дошедшихъ въ этомъ отношеніи до крайняго предѣла или лимита историческаго развитія, дід (d'id), мідь (m'id'), биг (b'ig'), вість (v'is't'), літо (l'ito), ліс (l'is), гріх (g'rix), ріка (r'iká) . . . , ніс (n'is), мід (m'id'), лід (l'id), сім (s'im), між (m'iz'), пчлка (pčifka) , сіль (s'il'), кінь (k'in'), биг (b'ig'), помагайбі(г) (pomajájb'i), спасибі (spasíb'i), ніс (n'is), рік (r'ik), ріг (r'ig'), рів (r'iv), рівно (r'ivno), різно (r'izno), вівця (v'ive'á), біль (b'il'), бік (b'ik) . . .

II.

Ө. П. Кешпенъ, извѣстный добросовѣстными и остроумными трудами не только по своей ближайшей спеціальности, естествознанію и географіи животныхъ и растений, но тоже по этнологіи и языковѣдѣнію, писалъ мнѣ изъ Петербурга 27-го декабря 1892 г. между прочимъ слѣдующее :

„Задумавъ составленіе довольно обширнаго труда о древнѣйшихъ обиталищахъ и передвиженіяхъ финскихъ племенъ, я, конечно, долженъ обращать особенное вниманіе на названія какъ населенныхъ мѣстъ, такъ, въ особенности, разныхъ урочищъ: рѣкъ, озеръ, болотъ, лѣсовъ, холмовъ и пр. Между прочимъ, я остановился на окончаніи -у за, свойственномъ названіямъ нѣкоторыхъ рѣкъ, преимущественно центральной Россіи;

такъ, напр., Руза и Яуза, впадающія въ р. Москву; другая Яуза, притокъ Гжати, которая, съ своей стороны, впадаетъ въ р. Вазузю, притокъ Волги. Мнѣ думается, что это окончаніе -уза ничтò иное, какъ общераспространенное финское окончаніе -уга, свойственное названіямъ очень многихъ рѣкъ на весьма большомъ пространствѣ, которое когда-то (или еще нынѣ) было занято финскими племенами. Если это такъ, то изъ этого можно было бы вывести любопытное заключеніе о приблизительномъ времени, когда Славяне заняли тѣ мѣстности, въ которыхъ попадаются названія рѣкъ съ окончаніемъ на -уза (а, быть можетъ, на -оза изъ -ога, или -еза изъ ега, — варианты, сводящіяся всѣ на названія „рѣки“ на финскихъ языкахъ: фин. joki, эст. jõgi и пр.).

„Обращаюсь къ Вамъ съ просьбой указать мнѣ, гдѣ-бы я могъ найти точныя свѣдѣнія о времени прекращенія перехода звука z въ z у Славянъ; а также сообщить мнѣ ваше мнѣніе о моемъ предположеніи: признаете-ли Вы вѣроятнымъ, что финскія названія рѣкъ, при усвоеніи ихъ Славянами, подверглись указанному измѣненію?“

По этому вопросу я отвѣтилъ Э. П. Кешпену болѣе или менѣе слѣдующее:

Дерптъ, 12/24 января 1893 г.

На отношеніе между фонемами (звуками) g (г) и z (з) [или же dz] въ словянскихъ языкахъ у меня есть съ давнихъ поръ (по крайней мѣрѣ, съ 1880 года) свой собственный взглядъ, который я позволю себѣ сообщить Вамъ вкратцѣ.

Если слов. z (з) [или же dz] соотвѣтствуетъ словянскому же g (г) [точнѣе: чередуется съ g], то оно есть всегда результатъ постепеннаго перерожденія этого g, къ каковому перерожденію первый толчекъ былъ данъ палатализацией („смягченіемъ“) подъ вліяніемъ сосѣднихъ палатальныхъ („мягкихъ“) гласныхъ (вокаловъ) [точнѣе: сонантовъ, или слогаобразующихъ]. Но рядомъ съ этимъ имѣется подобное же отношеніе между g (г) и ž (ж), изъ которыхъ последнее является тоже результатомъ перерожденія g подъ вліяніемъ

палатализаціи. Такъ какъ же тутъ быть? Какъ согласовать между собою это двоякое перерожденіе одного, по видимому, звука, т. е. палатализованнаго *g*? Слѣдуетъ ли допустить здѣсь произволь, или же необходимо найти различіе условій, давшихъ разъ *ǰ*, другой разъ *z*?

Разъясненіе этой загадки зависитъ отъ принятія въ соображеніе хронологіи, т. е. историческаго порядка явленій. Два перерожденія фонемы *g* (*г*) подъ вліяніемъ палатализаціи, а именно *ǰ* и *z* [respective *dz*], принадлежатъ двумъ разнымъ эпохамъ жизни языка; это два различныхъ фонетическихъ наслоенія, изъ которыхъ *ǰ* древнѣе, *z* же позже.

Первая по времени палатализація, или, первое „смягченіе“ заднеязычныхъ консонантовъ (согласныхъ) *k*, *g*, *x* (*ch*) славянскихъ языковъ появилось въ сочетаніяхъ этихъ консонантовъ со слѣдующими за ними фонемами, палатальность („мягкость“) которыхъ была унаслѣдована еще отъ обще-аріевропейскаго состоянія. Таковыя же фонемы были :

славянскія :	развившіяся изъ аріевропейскихъ :
$\overset{\text{і}}{\text{і}}$ (<i>j</i>)	$\overset{\text{і}}{\text{і}}$ (<i>j</i>)
<i>e</i>	<i>e</i>
$\overset{\text{і}}{\text{і}}$ (<i>ь</i>)	<i>i</i>
\bar{e} (= <i>a</i>)	\bar{e} (<i>ea</i>)
\bar{i}	\bar{i} , $e\overset{\text{і}}{\text{і}}$
$\underset{\text{і}}{\text{і}}$	eN (т. е. <i>en</i> , <i>em</i>)
$\underset{\text{і}}{\text{і}}$	$N\overset{\text{і}}{\text{і}}$ (слогообразующій носовой не-вокаль съ палатальнымъ приближеніемъ языка къ нѣбу)
$\underset{\text{і}}{\text{і}}$	$\underset{\text{і}}{\text{і}}$
$\underset{\text{і}}{\text{і}}$	$\underset{\text{і}}{\text{і}}$
$\overset{\text{і}}{\text{і}}\text{r}$ (<i>ьр</i>), $\overset{\text{і}}{\text{і}}\text{l}$	$\underset{\text{і}}{\text{і}}\text{r}$, $\underset{\text{і}}{\text{і}}\text{l}$
$\overset{\text{і}}{\text{і}}\text{n}$, $\overset{\text{і}}{\text{і}}\text{m}$	$\underset{\text{і}}{\text{і}}\text{n}$, $\underset{\text{і}}{\text{і}}\text{m}$

Примѣры [въ русской формѣ, — конечно, далеко не на всѣ случаи]:

плачь, плачетъ, кричу, чудо, чувствовать

сторожь, лежу, жупа

душа, дышетъ, слышу

чело, четыре, печеть

жена, боже, можетъ

шесть, душе

честь, чтить, вѣчный

ждать, дрожь, безбожный

шла, страшный

часть, чадъ, молчать

жарь, жаль, дрожать

шалость, дышать, слышать

читать, чистый, молчить

жирь, жила, дрожить

пило, шія (шея), душить

часть, начать

жать, жало

шататься

червь, черствый, черный

жердь, жертва

челнокъ

желтый, желчь

жру

начну, жну, жму

Это былъ первый періодъ переднеязычнаго перерожденія заднеязычныхъ, вызваннаго палатализаціей.

Когда заднеязычные k, g, x (ch) были афицированы (заражены) палатализаціей подъ вліяніемъ палатальныхъ сосѣдей, унаслѣдовавшихъ свою палатальность отъ общеаріевропейскаго состоянія, въ то время общеаріевроп. дифтонги oi, ai были еще и у лингвистическихъ предковъ Словянъ дифтонгами, начинавшимися съ непалатальнаго вокала (a, o или

т. п.). Но затѣмъ настала — на славянскомъ пути перерожденія обще-аріевропейскаго языкового достоянія — періодъ устраненія всѣхъ слоговъ съ уживающихся или закрытыхъ, т. е. слоговъ, состоявшихъ въ переходѣ отъ болѣе широкаго звука, составлявшаго центръ слога, къ звуку болѣе узкому, „закрывавшему“ слогъ. Подъ это общее стремленіе подошли тоже дифтонги *oi*, *ai* [смѣшавшіеся въ своемъ первомъ элементѣ, такъ какъ лингвистическіе предки Словянъ перестали различать *a* и *o*, сохранившіеся въ своемъ различіи, напримѣръ, въ греческомъ и латинскомъ: *acutus*, *axis*, *barba*, но *octo*, *oculus*, *potest*, *toga*, *porcus* . . .]. Эти дифтонги или, точнѣе, одинъ замѣнившій ихъ обоихъ дифтонгъ *oi* развился въ простой долгій гласный \bar{e} (черезъ какія посредствующія стадіи, черезъ \bar{o} ли, или черезъ что нибудь въ этомъ родѣ, это вопросъ не важный) и отчасти, преимущественно въ концѣ словъ, въ \bar{i} . Сюда относятся, напримѣръ: 1) Optativus (принявшій значеніе Imperativ'a) [*berī*, *berēte* (бери, берѣте) . . ., *nesī*, *nesēte* (неси, несѣте) . . ., въ греческомъ *φέρεις*, *φέροι*, *φέροιτε* . . .]; 2) Loc. (Dat.) s. m. n. f. существительныхъ [рабѣ, дѣлѣ, женѣ . . .]; 3) N.-A. dualis f. n. [женѣ, дѣлѣ . . .]; 4) Nom. pl. и другіе падежи по мѣстоименному склоненію [*tī* (ти), *gabī* (раби), *tēxū* (тѣхъ), *tēmū* (тѣмъ) . . .]; 5) довольно много корневыхъ морфемъ [*vēdēti* (вѣдѣти), ср. греч. *οἶδα*, блѣскъ, лѣпить, лѣвый . . .].

Вслѣдствіе этого появленія палатальныхъ вокаловъ \bar{e} и \bar{i} вмѣсто дифтонга *oi* (и *ai*), заднеязычныя *k*, *g*; *x* (*ch*) очутились опять въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ палатальными фонемами и должны были опять подвергнуться ихъ ассимиляціонному вліянію, т. е. заразиться отъ нихъ палатальностью. Эта новая палатализація, палатализація второго періода, повела опять къ перерожденію, но уже къ перерожденію въ другомъ направленіи, а именно въ направленіи къ *s* (*ц*), *ʒ* (*dz*, *дз*) или *z* (*з*), *s* (*с*).

И вотъ палатализующему толчку, данному заднеязычнымъ въ этомъ второмъ періодѣ, мы обязаны такими формами и

словами, какъ [привожу слова въ формѣ древнерусской и новорусской] :

- 1) помози, помозѣте, пщи, пщѣте
- 2) волцѣ, бозѣ, руцѣ, нозѣ, вѣцѣ, дусѣ
- 3) руцѣ, нозѣ, мусѣ, вѣцѣ
- 4) волци, бози, дуси, грѣси, таци, тацѣхъ, друзи и, затѣмъ, друзья
- 5) цѣна, цѣдить, цѣлѣ, цѣпѣ

Но это еще далеко не все. Заднеязычные шумы (консонанты) подвержены палатальному вліянію не только слѣдующихъ, но и предшествующихъ фонемъ. Довольно указать на различіе между нѣмецкими *ach* и *ich*. Да и въ русскомъ языкѣ *ж* слова печникъ, печника произносится нѣсколько иначе, нежели *ж* слова пятакъ, пятака . . .

И вотъ подобнаго рода афекція съ стремленіемъ къ перерожденію произошла и на словянской почвѣ, и именно въ этотъ второй періодъ палатализаціи, поведшей путемъ спонтаническаго перерожденія не къ *č* (ч), *ž* (ж), *š* (ш), а къ *c* (ц), *z* (дз) [*z* (з)], *s* (с). Но только не всегда. Рядомъ съ *genus proximum* палатальнаго сосѣдства необходима была тоже *differentia specifica* своеобразной ударяемости слова. Только тѣ заднеязычные консонанты подверглись ассимилирующему вліянію предшествующихъ палатальныхъ сонантовъ, *i*, *ī*, *o*_i (е), *o*_i, которые вмѣстѣ со слѣдовавшимъ за ними сонантомъ-вокаломъ составляли главный по ударенію слогъ даннаго слова. Иначе: *k*, *g*, *x* (*ch*) подверглись палатализаціи, поведшей затѣмъ къ *c*, *z* (*dz*), *s*, — кромѣ выше разобраннаго вліянія слѣдовавшаго за *k*, *g*, *x* вокала *ē* или *ī* изъ *oi*, — только тогда, когда предшествовало имъ *i*, *ī*, *o*_i, *o*_i (развившееся потомъ въ *e*), и когда слѣдовалъ за ними ударяемый вокаль (гласный).

Слѣды этой причинной связи, переставшей впрочемъ давно быть таковою, сохранились по настоящее время. Ср. напр. русскія

лик, ѡблик / лицѡ

кликать, кликнуть / восклицать

двигать / подвизаться

Этимъ я объясняю также появленіе въ словянской языковой области суффикса -ѣс- (-ѣц-), соответствующаго греческому -ιχό-, санскритскому -iká- :

отѣць, купѣць / отцá, купцá

Моя гипотеза даетъ возможность объяснить безъ всякихъ натяжекъ странное, повидимому, чередованіе

с // с̣̣̣ (ц // ч),

замѣчаемое въ склоненіи такихъ, напримѣръ, словъ, какъ

отць (отець), отца . . . , но Vocativus отьче . . . ,

или же въ словообразованіи :

отець . . . , но отеческій, отчизна

Формы отьче, отьчск-, отьчизна восходятъ своимъ с̣̣̣ изъ k къ первому періоду палатализации. Когда изъ *otĭke, *otĭkĭsk-.. появились *otĭḳe, *otĭḳĭsk-... , съ стремленіемъ переродиться постепенно въ otĭče, otĭčĭsk-... , въ то самое время формы, представляющія теперь с (ц), имѣли еще k :

*otĭkŭ́, *otĭkã́, *otĭkŭ́

Но вдругъ условія палатальнаго сосѣдства и ударяемости слова стали благопріятствовать зараженію палатализацией и этого, уцѣлѣвшаго отъ перваго періода, непалатальнаго (твердаго) k, и вмѣсто только что названныхъ сочетаній появляются :

*otĭkĭĭ́ (гдѣ ĭ вм. ŭ подь вліяніемъ предшествующаго k), *otĭkã́, *otĭkŭ́ . . . ,

съ стремленіемъ переродиться постепенно въ

otĭcĭ́, otĭcã́, otĭcŭ́

Различеніе этихъ двухъ періодовъ палатализаціи имѣетъ важное примѣненіе при опредѣленіи относительнаго времени заимствованія чужихъ словъ. Такъ напр. очевидно, что слово *чадо* (цсл. чддо), изъ нѣмец. *Kind*, заимствовано раньше, нежели *церковь* (нѣм. *Kirche*, греч. *ἐκκλησία* . . .), *царь* = *цѣсарь* (*Kaiser, Caesar*), *князь* . . . *).

Само собою разумѣется, что при этомъ не можетъ быть рѣчи объ опредѣленіи времени не только по годамъ, но даже по столѣтіямъ. Языковѣдніе, относительно своей хронологіи, находится въ такомъ болѣе или менѣе положеніи, въ какомъ находятся естественныя науки: оно опредѣляетъ только относительную древность, только наслоенія, слои (*Schichten*), а ничуть не хронологію въ смыслѣ повѣтствовательной исторіи.

Что касается названій *рѣкъ* съ „окончаніемъ“ *-уза* [въ *Руза*, впрочемъ, наврядъ-ли можно это считать „окончаніемъ“, а скорѣе слѣдуетъ видѣть или составную часть корня, *руз-*, или, по крайней мѣрѣ, дѣлить такъ: *Руза*; но это выходитъ почти одно и тоже: *-за* и *-уза* могли бы быть альтернантами или чередующимися суффиксами], — то это окончаніе не могло, по моему, развиться изъ *-уза* послѣ усвоенія этихъ названій Словянами. Какъ я раньше объяснилъ, *z* (*з*), чередующееся съ *g* (*г*), развилось изъ этого послѣдняго всегда только въ слѣдствіе первоначальной палатализаціи, а здѣсь я не вижу никакого повода къ палатализаціи. Я скорѣе склоненъ думать, что это развѣтвленіе произошло на почвѣ самихъ угро-финскихъ языковъ, въ связи съ діалектической дифференціаціей, на подобіе того, какъ въ области аріоевропейской одни языки сохранили заднеязычныя *k₁, g₁, g₁h* задне-

*) Впрочемъ, *цѣсарь*, *князь* . . . могутъ быть тоже заимствованиями, не уступающими по древности слову *чадо* или даже превосходящими его, если только допустить, что въ то время были еще въ славянскомъ: дифтонгъ *oi* вм. болѣе поздняго *ě* и сонантъ *ŋ*, вм. болѣе поздняго *e*: **kojsar*, **kŋnŋg*

язычными, другіе же, путемъ спонтанеическаго перерожденія, развили изъ нихъ переднеязычныя: s или т. п., z или т. п. Напр.

греч. <i>δέκα</i> , лат. <i>decem</i> , гот. <i>taihun</i> . . .	санскр. <i>daśa</i> , армянск. <i>tasn</i> , лит. <i>dēšim-tis</i> , слов. <i>dese-tŕ</i> . . .
греч. <i>γνώ</i> -, лат. <i>gnō</i> -, нѣм. <i>kenn</i> - . . .	санскр. <i>jan</i> -, <i>jñā</i> -, лит. <i>žin</i> -, слов. <i>znā-tī</i> . . .
греч. <i>χεῖμῶν</i> , лат. <i>hiems</i> . . .	(санскр. <i>himá</i> .) лит. <i>žemà</i> , слов. <i>zīmà</i> . . .
греч. <i>Ἔξω</i> , лат. <i>veh-o</i> , герм. <i>vig</i> -, <i>vag</i> - . . .	(санскр. <i>vah-ati</i> .) лит. <i>vež-ù</i> , слов. <i>vez</i> -, <i>voz</i> - . . .

Если это такъ, въ такомъ случаѣ распредѣленіе названій рѣкъ то съ *-уга*, то съ *-уза* по областямъ могло бы служить важнымъ указаніемъ при опредѣленіи распредѣленія двухъ, различныхъ въ названномъ отношеніи, угрофинскихъ племенъ.

Возможно еще одно предположеніе. Такъ какъ суффиксъ рѣчныхъ названій, *-га*, respective *-за*, восходитъ, по вашему, къ названію „рѣки“ на финскихъ языкахъ (фин. *joki*, эст. *jõgi* . . .), гдѣ вездѣ послѣ *g* (или *k*) имѣется *i*, значитъ, звукъ палатальный и вызывающій палатализацію, то можно допустить, что Словяне названія рѣкъ съ окончаніемъ *-уза* заимствовали сначала въ формѣ *-угĭ* (*-узь*), развившейся затѣмъ, путемъ палатализаціи и спонтанеическаго перерожденія, въ *-узĭ* (*-узь*), стало-быть: Р *у* з ъ , Я *у* з ъ , В *а* з у з ъ . . . И только впослѣдствіи, вслѣдствіе морфологическаго уподобленія къ слову рѣка и къ преобладающему большинству словъ женскаго рода, могли появиться Р *у* з а , Я *у* з а , В *а* з у з а . . .

Можно однакожъ спросить: почему вмѣсто словъ въ родѣ Р *у* з ъ . . . появились не слова въ родѣ Р *у* з я . . . , а только слова въ родѣ Р *у* з а . . . ? На этотъ вопросъ трудно отвѣтить, но можно предположить, 1) что или слова въ родѣ

Рузь . . . произносились въ то время, когда вмѣсто нихъ появились Руза . . . , не со столь „мягкимъ“ (т. е. сильно „смягченнымъ“) *z'* (зь), а только еле-еле палатально, 2) или же что слова въ родѣ Рузь . . . сначала „отвердѣли“ въ Рузь . . . (что однако-же на врядь-ли было возможно) и затѣмъ только изъ Рузь . . . развились Руза . . . , 3) или же, наконецъ, что поводомъ къ появленію Nominativ'овъ Руза, Яуза . . . были Locativ'ы и Dativ'ы Рузѣ, Яузѣ . . . , на Рузѣ, на Яузѣ . . . , въ Рузѣ, въ Яузѣ . . . вм. прежнихъ Рузи, Яузи . . . , на Рузи, на Яузи . . . , отъ Nominativ'овъ Рузь, Яузь . . . *)

При появленіи же въ названіяхъ подобныхъ рѣкъ суффикса *-уга* и вообще *-га* могло произойти сразу морфологическое уподобленіе къ большинству существительныхъ женскаго рода: финское *-ogî* замѣнилось сразу словянскимъ *-uga* (*-уга*).

Наконецъ, возможно, что и въ случаяхъ, гдѣ теперь видимъ *-уга* (Руза, Яуза . . .), произошло тоже сразу морфологическое уподобленіе къ большинству словянскихъ существительныхъ ж. р. на *-а*, но за то еще въ финскихъ нарѣчіяхъ тѣхъ мѣстностей развилось палатализованное *g* (въ *-jogîi*, *-jog'î* или т. п.), такъ что получились сразу словянскія Руг'а (Руг'а), Яуг'а (Яуг'а) . . . , измѣнявшіяся затѣмъ постепенно въ Руза, Яуза . . .

Какъ бы то ни было, начало этой палатализаціи восходитъ ко второму періоду палатализаціи словянской языковой области, т. е. къ періоду, давшему, съ одной стороны, друзья, пьци, нозѣ, руцѣ, дуси, цѣна . . . , съ другой же стороны, цѣсарь, церковь, князь . . . , а не къ первому періоду, которому мы обязаны словами съ *z*, *ж*, *ш* (изъ *к*, *г*, *х*) и, между прочимъ, заимствованными чадо, шлѣмъ или шоломъ и т. п.

*) Вообще все это слишкомъ натянутыя и искусственныя предположенія и толкованія.

Прим. автора.

Мнѣ положительно неизвѣстно сочиненіе, гдѣ можно бы найти точныя свѣдѣнія о времени прекращенія перехода звука *z* въ *з* у Словянъ, да такой переходъ, въ виду выше изложеннаго, и невозможно допустить безъ точно опредѣленныхъ условий.

И. Бодуэнъ-де-Куртенэ.

Auszug

aus der vorstehenden Abhandlung.

Unter dem Namen der Palatalität verstehen wir den akustischen Eindruck, welchen man von der phonetischen Utilisation des durch die Annäherung der mittleren Zunge an den harten Gaumen gebildeten engen Raumes empfängt. Im Gegensatz dazu hängt die Non-Palatalität der Laute mit dem Entferntsein der mittleren Zunge vom harten Gaumen zusammen. Beide, Palatalität und Non-Palatalität, sind descriptive, statische Begriffe. Dynamische oder auch historische Begriffe dagegen, d. h. Begriffe, welche sich auf phonetische Veränderungen im weitesten Sinne des Wortes beziehen (es mögen diese Veränderungen vorübergehende Substitutionen oder historische Consequenzen sein), sind Palatalisation (Palatalisirung) und Dispalatalisation (Entpalatalisirung). Bei der Palatalisation erhält der Laut die ihm früher fremde palatale Articulation, bestehend in der Annäherung der mittleren Zunge an den Gaumen; die Dispalatalisation dagegen bedeutet die Beseitigung aus dem zum Lautbestande gehörenden Articulationencomplexen der ihm früher eigenen palatalen Articulation.

In diesem Artikel erlaubte ich mir meine Ausführungen mitzutheilen, welche durch die an mich gerichteten Briefe zweier hervorragender Gelehrten, J. Paulson und Th. Köppen, veranlasst wurden.

I.

Der berühmte russische Pädagog, J. Paulson, wünschte von mir Aufklärung über einige dunkle Punkte der kleinrussischen Phonetik zu erhalten (Brief aus Petersburg vom 28. December 1889).

Darauf erwiderte ich ihm am 1./13. Januar 1890 ungefähr Folgendes:

1. Die von Brandt (in den Fussnoten zu der unter seiner Redaction erschienenen russischen Uebersetzung von Miklosich's „Vergl. Morphol. der slavischen Sprachen“) angenommene Unterscheidung „*нiс* = носъ (Nase); *нiс* = нѣсъ (trug)“ ist mir ganz neu. Wir haben aber kein Recht, die Richtigkeit dieser Unterscheidung zu verdächtigen. Es könnte übrigens auch möglich sein, dass diese graphische Unterscheidung nicht eine verschiedene Aussprache, sondern eine verschiedene historische Herkunft dieser Wörter bezeichnet.

2. Ich kann nicht der Meinung beistimmen, es sei ein „harter“, nicht palataler Consonant nur in Verbindung mit *ы* möglich. Zum Beweis dafür berufe ich mich auf alle germanischen und romanischen Sprachen, wo sich *i* mit den vorhergehenden „harten“ Consonanten verbindet. Und selbst im slavischen Sprachgebiete besitzt nur dessen grossrussischer Theil einen besonderen, eigenartigen Vocal *ы*, obgleich auch hier die Unterscheidung des *и* (*i*) von *ы* gegenwärtig etwas unselbständiges, etwas secundäres, d. h., vom Standpunkte der Palatalität, von der Qualität des vorhergehenden Consonanten ganz abhängiges ist. Im grossrussischen *бы* hat man jetzt *ы*, weil *б* (*b*) ein selbständig, primär „harter“, d. h. nicht-palataler Consonant ist; in *би* dagegen haben wir *и* (*i*), weil die Palatalität des vorhergehenden Consonanten *б'* (*бь*, *b'*) dessen individuelle, unabhängige Eigenthümlichkeit bildet und die Palatalität des

folgenden *i* seinerseits bedingt. Dabei bleibt es eine Frage für sich, eine Frage historisch-phonetischen Charakters, auf welche Weise solche und ähnliche Verbindungen in der Vergangenheit entstanden sind.

In den übrigen, nichtgrossrussischen Theilen des slavischen Sprachgebietes finden wir nirgends das für die grossrussische Aussprache so charakteristische *ы*. [Bulgarisches *ѣ* ist eigentlich enges *a*, wie *y* (*u*) enges *o* und *i* enges *e*.] Im Polnischen unterscheidet man zwar *by, ny, sy, ły . . .* von *bi, ni, si, li . . .*, aber das Hauptgewicht in der Unterscheidung dieser Silben liegt in der Unterscheidung der Consonanten, während der Unterschied zwischen den Sonanten (Vocalen) ein ganz minimaler oder beinahe gleich Null ist.

Dasselbe kommt auch im czechischen, im serbochorvatischen, im slovenischen und schliesslich im kleinrussischen Gebiete vor, obgleich in jedem derselben auf eine eigenartige Weise.

3. Das kleinrussische dialektische Gebiet, in welchem eine vollständige Mischung der früheren *ы* (*y*) und *и* (*i*) stattfand, gehört in dieser Hinsicht, sammt dem bulgarischen, serbochorvatischen, kraino-slovenischen und resianischen, zur südlichen Zone der slavischen Sprachenwelt, im Gegensatz zur nördlichen, grossrussisch-polnisch-sorbischen Zone, wo der Unterschied von *ы* und *и* (*i*) sich erhalten hat, wenn nicht in dem Vocale selbst, so wenigstens in der Unterscheidung der „Härte“ (Nicht-Palatalität) und „Weichheit“ (Palatalität) des vorhergehenden Consonanten. Die czecho-slovakische Gruppe nimmt in dieser Hinsicht eine mittlere Stellung ein.

So sind die kleinrussischen Verbindungen *би, ти, си, ли* (mit einem „harten“ *ѣ*, aber mit dem Vocale *i*), *ри . . .* einerseits aus *bi, ti, si, li, ri . . .*, andererseits aber aus *by, ty, sy, ly, ry . . .* historisch entstanden. Diese kleinruss.

Verbindungen werden mit einem „harten“ Consonanten und mit einem palatalen Vocal *i* ausgesprochen. Selbstverständlich ist der akustische Eindruck, welchen man von der kleinrussischen Aussprache sogar des consonantischen Theiles einer solchen Verbindung, z. B. des \mathbb{I} (t) in der Verbindung \mathbb{III} , erhält, etwas anderer, als der Eindruck des \mathbb{I} (t) in einem grossrussischen \mathbb{III} oder selbst in einem polnischen ty. Im Kleinrussischen fühlt man gleichsam den Mangel eines gegenseitigen Assimilations-Zusammenhanges zwischen dem consonantischen und sonantischen Silbengliede. Es ist eben eine Manifestirung der **Eingliedrigkeit** im Bereiche der Palatalität.

4. Vom Standpunkte der Palatalität unterscheiden wir: *a)* die Sprachen mit einer „zweigliedrigen Palatalität“, d. h. mit einer Palatalität, welche sich gleichmässig ebenso auf die silbebildenden, wie auch auf die nicht-silbebildenden Silbenglieder erstreckt; *b)* die Sprachen mit einer „eingliedrigen Palatalität“, d. h. die Sprachen, in welchen die palatale Aussprache entweder nur den Consonanten, oder nur den Sonanten eigen ist und sich auf diese beiden Silbentheile gleichzeitig nicht erstrecken kann; *c)* die in dieser Hinsicht indifferenten Sprachen.

Als typischer Repräsentant der Gruppe *a)* kann die bulgarische Sprache genannt werden. Dann gehört hierher die Mehrzahl der litauischen Dialekte. Von seiner wesentlichen Seite ist in dieselbe Classe auch das grossrussische Sprachgebiet in allen seinen Varietäten aufzunehmen, obgleich man dieses Gebiet, bis zu einem gewissen Grade, zu der Classe *c)* zählen muss, — was doch nicht Wunder nehmen dürfte, wenn man erwägt, dass man überhaupt seltener einer consequenten Durchführung irgend eines Principes, sondern viel häufiger einer Mischung zweier Principe, oder selbst einer Mischung eines gewissen Principes mit der Principienlosigkeit oder, mit anderen Worten, einem sogen. „Uebergangszustande“ begegnet.

Als typische Repräsentanten der Classe b) können einige litauische Dialekte gelten, in welchen die Palatalität des Sonanten (Vocals) eine gleichzeitige Palatalität des Consonanten unmöglich macht, und umgekehrt. Im allgemeinen gehört auch hieher das kleinrussische dialektische Gebiet, wo der Vocal *e* oder *u* (*i*) [dieser letztere aus den gemeinslavischen и (*i*) und ы] sich mit den vorhergehenden nichtpalatalen Consonanten verbindet, während palatale Consonanten nur vor den nichtpalatalen Vocalen oder im Silbenauslaute möglich sind. Daher kleinruss. поле (*póte*, Feld), солити (*sołfti*, salzen), aber поля (*póla*, *Genit.*), полѣм (*pólom*, *Instr.*), сіль (*s'il'*, Salz)

5. Bloss in einem einzigen Punkte bietet das kleinrussische Sprachgebiet eine Abweichung von dem soeben erwähnten „phonetischen Principe der eingliedrigen Palatalität“, und zwar in den Verbindungen mit einem secundären *i*, d. h. mit einem *i*, welches sich infolge einer Verengung aus den früheren langen Vocalen, nämlich entweder aus einem langen \bar{e} (ѣ), oder aus den secundär verlängerten *e* und *o* *), historisch entwickelte. So entsprechen auch den grossrussischen дѣдъ (Grossvater, alter Mann) . . ., медъ (Honig), несь (*trug*) . . ., соль (Salz), носъ (Nase), овца (Schaf) . . . in denjenigen kleinrussischen Dialekten, welche

*) Eine solche secundäre Verlängerung hat sich einstmals in allen slavischen Sprachgebieten vollzogen, aber im grossrussischen und bulgarischen blieb davon keine klare Spur übrig, mit Ausnahme vielleicht einiger darauf zurückzuführenden Accentuationsunterschiede (водà | вòдка . . .); dafür aber ist im serbo-chorvatischen Gebiete diese secundäre Verlängerung bis zur Stunde erhalten; in dem kraino-slovenischen, resianischen, slovakischen und czechischen Gebiete combinirt sich die Unterscheidung der kurzen und secundär verlängerten Sonanten mit den Unterschieden der Mundöffnung während der Hervorbringung historischer Vertreter dieser beiden Arten von Sonanten, obgleich in jedem von diesen Sprachgebieten auf eine eigenartige Weise; endlich blieb in den beiden sorbischen (lausitzischen) Sprachgebieten, wie auch im polnischen und kaschubischen Gebiete die Unterscheidung gerade der Mundöffnungen selbst als einziger historischer Vertreter der früheren Unterscheidung einer Kürze und einer secundären Länge von Sonanten.

zur äussersten Grenze oder zum *limes* der historischen Entwicklung in dieser Richtung gelangt sind, дід (d'id), мід (m'id), ніс (n'is), сіль (s'il'), вівця (v'iv'c'á) . . .

II.

Der durch seine Arbeiten auf dem Gebiete nicht nur seiner nächsten Specialität, der Naturwissenschaften und der Geographie der Thiere und Pflanzen, sondern auch der Ethnologie und Sprachwissenschaft rühmlichst bekannte Forscher, Th. v. Köppen, theilte mir aus Petersburg am 27. December 1892 mit, er beabsichtige eine umfangreiche Abhandlung über die ältesten Wohnsitze und Wanderungen der finnischen Stämme zu verfassen, wobei Ortsnamen jeglicher Art eine sehr wichtige Rolle spielen. Seine, Köppen's, besondere Aufmerksamkeit hätten Flussnamen mit der „Endung“ -уза (-uza) auf sich gezogen, welche einigen Flüssen, vorzugsweise in Central-Russland, eigen sind. Köppen hält diese „Endung“ -уза für eine Modification der allgemein verbreiteten finnischen „Endung“ -уга (-uga). In Anbetracht dieses Unterschiedes könnte man, nach Köppen's Meinung, einen interessanten Schluss über die ungefähre Zeit ziehen, zu welcher die Gegenden, wo jetzt -уза vorkommt, von den Slaven besetzt wurden. Dazu aber würden die genauen Daten über den Zeitpunkt nöthig sein, wann der Prozess des Ueberganges des Lautes r (g) in з (z) bei den Slaven aufhörte.

Die Mittheilung Köppen's hat mich zu einigen Betrachtungen in meinem Briefe vom 12./24. Januar 1893 angeregt. Ich gebe sie hier in kürzerer Fassung wieder.

Meine, wenigstens seit dem J. 1880 in meinen Collegien erst in Kasan und dann in Dorpat ausgesprochene, Ansicht über das Verhältniss zwischen den Phonemen g (r) und z ($з$) [oder $з$ (dz)] in den slavischen Sprachen lässt sich folgendermassen formuliren:

Wenn ein slavisches z [oder $з$] mit einem g alternirt, ist es immer Resultat einer allmählichen phonetischen Umwandlung dieses g . Der erste Anstoss zu einer solchen historischen Umwandlung wurde zunächst immer von der Palatalisirung des g durch den Einfluss benachbarter palataler Sonanten gegeben. Aber daneben findet man auch ein ähnliches Verhältniss zwischen g (r) und \check{z} ($ж$), wo \check{z} ebenfalls Resultat einer Umwandlung von g nach erfolgter Palatalisirung desselben darstellt. Wie ist diese Doppelheit zu erklären? War sie rein willkürlich oder von verschiedenen Bedingungen abhängig?

Eine befriedigende Antwort darauf bekommt man, wenn man die relative Chronologie sprachlicher Prozesse berücksichtigt. Zwei Umwandlungen des Phonems g unter dem Einflusse der Palatalisation, d. h. einerseits \check{z} , andererseits z (respective $з$), gehören zwei verschiedenen Epochen des Sprachlebens an; es sind zwei verschiedene phonetische Ablagerungen: \check{z} älter, z aber jünger.

Die erste Palatalisation slavischer hinterlingualer Consonanten k , g , x (ch) entstand in Verbindungen mit folgenden Phonemen, deren Palatalität noch von der gemeinsamen arioeuropäischen (indogermanischen) Periode ererbt war. Solche Phoneme waren: slav. \check{i} (j), e , \check{i} , \bar{e} (= \bar{a}), \bar{i} , \bar{e} , r_i , l_i , \check{r} , \check{l} , \check{n} , \check{m} , entsprechend den arioeuropäischen \check{i} (j), e , \check{i} , \bar{e} (ea), \bar{i} , ei , eN , N_i , r_i , l_i , $r_i r$, $l_i l$, $n_i n$, $m_i m$.

Das war die erste Periode einer durch die Palatalisation hervorgerufenen vorderlingularen Degeneration (Umwandlung) hinterlingualer Consonanten.

Während nun diese erste palatale Affection durch die Wirkung der vom arioeuropäischen Zustande herübergekomm-

menen palatalen Phoneme sich zu entwickeln begann, existierten noch bei den linguistischen Vorfahren der Slaven die Diphthonge *oi*, *ai*, welche folglich mit einem nicht-palatalen Vocale (*o*, *a*) anlauteten. Dann aber ist, — auf der slavischen Linie der Umgestaltung des gemein-arioeuropäischen Sprachgutes, — die Periode der Beseitigung aller „geschlossenen“ Silben eingetreten. Diesem allgemeinen Streben unterlagen auch die Diphthonge *oi*, *ai* (bei den Slaven wohl in einem einzigen, nämlich *oi*, zusammengefallen), welche sich nun stufenweise in einen langen palatalen Vocal, \bar{e} , viel seltener, vorwiegend im Wortauslaute, \bar{i} , verwandelten.

Infolge dieser secundären Entwicklung der palatalen Vocale \bar{e} und \bar{i} aus dem Diphthonge *oi* und *ai* verfielen wiederum die in eine unmittelbare Nachbarschaft mit solchen \bar{e} und \bar{i} gerathenen hinterlingualen *k*, *g*, *x* einer assimilirenden Wirkung seitens der betreffenden palatalen Vocale. Diese neue Palatalisation, Palatalisation der zweiten Periode, führte wieder zu einer Umwandlung, aber schon in einer anderen Richtung, und zwar in der Richtung zu *c*, \check{z} (*dz*) [oder *z*], *s* hin.

Das ist aber bei weitem nicht alles. Hinterlinguale Geräusche sind einem palatalen Einflusse nicht nur folgender, sondern auch vorangehender Phoneme ausgesetzt. Es genügt auf den Unterschied der deutschen *ach* und *ich* hinzuweisen. Eine ähnliche Affection mit dem Streben nach Umwandlung fand auch auf dem slavischen Boden statt, und gerade in dieser zweiten Periode der Palatalisation, welche auf dem Wege spontaner Umwandlung nicht zu \check{c} , \check{z} , \check{s} , sondern zu *c*, \check{z} (*dz*) [oder *z*], *s* hinführte. Jedoch nicht immer. Neben dem *genus proximum* der palatalen Nachbarschaft war auch eine *differentia specifica* eigenartiger Accentuation des Wortes nöthig. Nur diejenigen hinterlingualen Consonanten unterlagen einer assimilirenden Wirkung

vorangehender palataler Sonanten, \check{i} , \bar{i} , $\underset{0}{n}_i$, $\underset{0}{r}_i$, welche mit dem darauf folgenden Vocale die hauptbetonte Silbe des Wortes bildeten. Spuren eines solchen causalen Zusammenhanges, welcher übrigens seine causale Bedeutung schon längst verloren hatte, haben sich bis jetzt z. B. im Russischen erhalten:

лѣк, ѡблик / лицѡ

клѣкать, клѣкнуть / восклицать

двѣгать / подвижаться

Auf ebensolche Weise erkläre ich mir die Entwicklung im Slavischen eines Suffixes $-\check{i}c-$ ($-\check{y}c-$), dem griech. $-\check{x}o-$, dem sanskr. $-iká-$ entsprechend.

Meine Hypothese ermöglicht ohne Schwierigkeit eine Erklärung der Alternation $c // \check{c}$ z. B. in der Declination solcher Wörter, wie отѣць , отѣца . . . , Vocat. отѣче . . . u. ä.

Die Unterscheidung dieser beiden Perioden der Palatalisation findet eine wichtige Anwendung bei der Bestimmung des relativen Alters der Entlehnung fremder Wörter. So ist z. B. das Wort чадо (Kind) früher entlehnt worden, als церковь (Kirche), $\text{царь} = \text{цѣсарь}$, князь . . . [Uebrigens könnten цѣсарь , князь . . . ebenso alte oder selbst ältere Entlehnungen als чадо sein, wenn es sich nur beweisen lässt, dass zu jenen Zeiten noch oi und $\underset{0}{n}_i$ anstatt der späteren \bar{e} , e im Slavischen existirten: $*ko\check{i}sar$, $*k\check{u}nn_i g$. . .]

Die „Endung“ $-\text{уза}$ ($-\text{uza}$) konnte sich, meiner Meinung nach, nicht erst nach der Entlehnung der betreffenden Flussnamen durch die Slaven aus $-\text{уга}$ ($-\text{uga}$) entwickelt haben. Wie oben auseinandergesetzt, hat sich ein mit g alternirendes z aus g einzig und allein infolge einer Palatalisation historisch entwickelt. Hier aber war kein Anlass zu einer solchen Palatalisation vorhanden. Ich wäre eher geneigt zu glauben, dass diese Wandlung von g zu z sich auf dem Boden der ugro-finnischen Sprachen selbst, im

Zusammenhänge mit der dialektischen Differenzirung, vollzog, ähnlich wie im Bereiche der arioeuropäischen Sprachen einige von diesen Sprachen die hinterlingualen k_1 , g_1 , g_1h als hinterlinguale bewahrt haben, andere dagegen, auf dem Wege einer spontanen Umwandlung, vorderlinguale s od. $ä$, z od. $ä$ daraus entwickelten (griech. *δέξα*, lat. *decem*, got. *taihun* . . . , aber sanskr. *daça*, armen. *tasn*, litauisch *dėšim-tis*, slav. *dese-tŭ* . . .). Wenn es dem wirklich so wäre, dann könnte die Vertheilung der Flussnamen bald mit *-yга* (*-uga*), bald mit *-yза* (*-uza*) als ein nicht zu unterschätzender Fingerzeig für die Bestimmung der Vertheilung zweier, in dieser Hinsicht verschiedener ugro-finnischen Stämme dienen.

Es sind noch verschiedene, darauf bezügliche Vermuthungen möglich, von denen mir die folgende am plausibelsten erscheint:

In den Fällen, wo wir jetzt *-yза* (*-uza*) in den Flussnamen haben, hat sich sogleich, im Moment der Entlehnung, eine morphologische Assimilation an die Mehrzahl slavischer Substantiva fem. gen. auf *-a* vollzogen, aber mit einem schon auf dem urheimischen Boden, bei dem ugro-finnischen Volke jener Gegenden, palatalisirten *g* (in *-jog₁i*, *-jog₁'i* od. *ä*), so dass man sogleich slavische *Pyг'a* (*Rug'a*), *Яyг'a* (*Jaug'a*) . . . erhielt, welche sich nachher in *Pyза* (*Ruza*), *Яyза* (*Jauza*) . . . allmählich verwandelten.

Jedenfalls gehört der Anfang dieser Umwandlung zur zweiten Palatalisationsperiode des slavischen Sprachgebietes, d. h. zu der Periode, welche einerseits zu *друзья*, *пѣци*, *нозѣ*, *руцѣ*, *дуси*, *цѣна* . . . , andererseits zu *цѣсарь*, *церковь*, *князь* . . . führte, nicht aber zur ersten Palatalisationsperiode, welcher wir die Wörter mit *č* (*ч*), *ž* (*ж*), *š* (*ш*) [aus *k*, *g*, *x* (*ch*)], und unter anderem die entlehnten *чадо*, *шлѣвъ* oder *шоловъ* u. s. w. verdanken.

J. Baudouin de Courtenay.

